

Мария Головановская

Буря

Наталья Николаевна Гончарова рассказывала мне, что когда Пушкин впервые пришел к ней, он был мрачен и подавлен, и губы его, которыми он коснулся ее запястья чуть выше серой, в белых тонких цветах шелковой перчатки (для первого раза вольность почти непростительная), были холодны. Пушкин был мал ростом, и когда он склонился, чтобы поцеловать ей руку, она уловила едва обозначившийся запах дорогих сигар, который источали его тяжелые черные локоны на макушке. Наталья Николаевна не сомневалась в том впечатлении, которое произведет ее красота на знаменитого, но опального поэта, она знала, что Пушкин будет ранен в самое сердце ее великолепными миндалевидными карими глазами, перламутровыми зубками и коралловыми устами, а главное, статностью и безупречными линиями фигуры, которыми, – и тут щечки Натальи Николаевны зарделись, а лоб сделался блее мрамора, – не отличался он сам. Рассказывая это, Наталья Николаевна не без зависти оглядывала мое новое розовое шелковое платье в кружавчиках, надетое мною сегодня в первый раз специально для ее визита. Сама она была в сером атласном платье и в немного шютноватых для такой прелестной погоды перчатках, платье я видела это на Наталье Николаевне уже в третий раз. Наталья Николаевна старалась придать своему рассказу о Пушкине какую только можно небрежность, и, видимо, для того, чтобы скрыть от моего прямотаки неимоверно пронизательного взгляда свое волнение и заинтересованность, она именно для этой небрежности коснулась в описании Пушкина его носа, который нашла предлиннейшим, почти что гоголевским. За окном раздавалось пение птиц, солнце было повесенному ярким и наполняло комнату чудодейственным свежим светом даже сквозь опущенные первые шторы; слушая рассказ Натальи Николаевны, сливавшийся с весенним воробьиным чириканьем, я несколько раз пошевелила правым носком, чтобы от ее внимания не ускользнули и мои новые туфельки с обворожительным, не слишком высоким каблучком и слегка заостренным носиком, и когда сомнений не было, что она по достоинству оценила и их, я предложила ей откусать со мной коричных свежее испеченных булочек до чаю с молоком, поскольку воздух в комнате уже наполнялся ароматами ванили и корицы, а рассказ Натальи Николаевны после того, как она разглядела мои туфельки, сделался настолько неаппетитным, что его было как раз самое время и прервать, чтобы потом, за чаем, после какого-нибудь ей комплимента, возобновить вопросом вновь и уже тогда наслушаться досыта. Младшая из моих троюродных племянниц, жившая у нас по причине финансовых затруднений ее отца, а также по просьбе отправившейся с другом в Европы маменьки, неуверенно подетски музицировала в соседней зале, и под эти осторожные и улаживающие невинностью своею аккорды мы и перебрались за круглый мозаичный столик, заказанный мужем у венецианских мастеров во время его последнего, несколько, признаться, затянувшегося итальянского вояжа. На столике уже дымился в чашечках свежезаваренный отменнейший цейлонский чай, соединяя свои ароматы с нежным запахом парного молока.

На протяжении чаепития царила напряженная тишина, я выжидательно тупила глаза, ковыряя ложечкой плотные бордовые клубничные ягоды, наполовину погруженные в густой рубиновый сироп, но варения не ела, дабы не дать разрядиться хоть каким-нибудь движением этой напряженнейшей удушающей тишине. Внезапно со стороны Натальи Николаевны послышалось хлюпанье и шмыганье, и, подняв глаза, я убедилась в том, что не ошиблась: по лицу Натали текли слезы, нос ее сделался бордовым, как раз под стать варению в розеточках, а лоб покрылся странными розовыми полосами. На мгновение мне показалось даже, что и воздух вокруг нее приобрел какието сиреневорозовые разводы, словно фон на картине акварелиста, изобразившего натюрморт. "Что с вами, милая, полноте, – сердечно прошептала я, – может быть, вам надобно лекаря, так он живет здесь по соседству, и я могу

послать за ним!" – "Ничего не надобно, – пролепетала Наталья Николаевна, – это обычные весенние смятения, столь хорошо знакомые моему сердцу. Мне уже легче". Говоря о лекаре, я вдруг ощутила сильную резь в области правого подреберья, и эта боль настолько заняла меня, что я даже не заметила, как Натали спешно засобиравшись, стараясь ничего не забыть и оставляя чай нетронутым. Мое внимание вновь вернулось к ней, когда она уже прощалась со мной, от всего сердца благодаря за дружеское участие и радушный прием. "Я сама заеду к вам днями, – сказала я с нежностью, – справиться о вашем здоровьи, да и просто повидать вас, голубушка". – "Что бы все это могло означать? – подумала я, оставаясь одна в комнате, одновременно о поведении Натали и о боли в боку. – Может ли это содержать какуюнибудь опасность для меня?" Побыв в комнате двести минут, глотнув чаю и сделав несколько резких движений и даже приседаний, дабы проверить, не усилится ли боль, я решила отправиться к Жоржу, чтобы немного потормозить мерзавца и удостовериться по его реакции, все так же сильно он меня любит, как и наемни, или страсти его поубавилось. Жорж находился у себя в кабинете, он сидел в шелковом полосатом халате за столом перед раскрытой газетой, с пристальным вниманием изучая форму ногтя на большом пальце правой руки. Он не заметил, как я вошла, и только охнул, ощутив мое яростное прикосновение к его бакенбардам, которые от одного несколько поредели. "Это ты, душа моя!" – радостно воскликнул Жорж, прикладывая немалые усилия к тому, чтобы сохранить остатки бакенбардов вместе с вовремя посаженной на свое лицо улыбкой. "Это я, котик, я, я, я", – замурлыкала я и принялась быстро и удивительно метко покрывать лицо его поцелуями, в надежде на скорый и столь же пламенный ответ. "Что ты делала сегодня целое утро? – осведомился Жорж – Я не решался выйти, не зная, что именно ты предпримешь!" – "Ко мне заезжала Натали, – холодно ответила я, – нервы ее вконец расстроены, мне нужно было поддержать бедняжку, да и конюх твой совсем потерял совесть, так паялился на меня сегодня, что мне пришлось приказать высечь его", – добавила я, уже выходя из комнаты, но потом передумала и вернулась к Жоржу, чтобы покрепче куснуть его за мочку и подвергнуть испытанию суровым взглядом. Куснуть я успела, но взгляда не получилось, боль в боку заговорила с новой силой, и я была принуждена, спешно прошептав: "Чтото мне нездоровится сегодня", вылететь вон из кабинета мужа. В спальне меня ожидало письмо. По первым же строкам я поняла, от кого оно. "Милая моя голубушка, – писал он, – вот уже несколько дней я не видел Вас и совершенно не нахожу себе места. Я посвятил Вам несколько стихов, но сжег их все, так как они ничто рядом с Вашими совершенствами. В эти дни, охваченный тоскою и подавленностью, я совершил несколько долгих прогулок, но весенняя грязь только растравила мои раны, неужто, Ангел мой, единственная отрада моя, мольбы мои останутся не услышанными? Кстати, вчера я познакомился с N. N. Молва о ней сильно преувеличивает действительность, а в душе она, небось, такая же курва, как и все прочие, ейей! Так когда же, Бог мой, Вы... ", но дальше читать я не смогла, буквы поплыли у меня перед глазами, которые в последнем своем усилии все же узрели "Искренне Ваш А. П.", после чего воцарился полнейший мрак, и чувства окончательно покинули меня. Когда я пришла в себя, то сразу же увидела Жоржа, сидевшего подле меня с письмом в руке. "Это письмо должно было сразить не тебя, голубушка, – высокопарно вымолвил он, – но меня. Что сие означает, скажи на милость?!" – поинтересовался он, имея в виду одновременно как состояние моего здоровья, так и содержание письма. "Ты же видишь, друг мой, я умираю, – ответила я, собрав последние силы, – дай Провидению решить судьбу мою, и тогда ты узнаешь, сколь предана и верна я тебе, какие бы случайности ни омрачали твоего впечатления". – "Тогда я пошлю за доктором", – смягчился Жорж, убирая письмо в нагрудный кармашек халата. Не говоря ни слова, он поднялся и нетвердой походкой направился к выходу. "Карты и вино сделают из этого очаровательного, но слабого волей мужчины маразматика и свинью", – мелькнуло у меня в голове прежде, чем сон успел овладеть мною. "Надобно определить его на службу", – подумала я уже во сне.

Доктор осматривал меня с подобающей неспешностью. Это был немолодых лет лысоватый немец, присланный знакомым, жившим по соседству лекарем вместо себя самого, так как зубной недуг лишил его возможности врачебной практики, по меньшей мере, на несколько недель. Коснувшись холодными пальцами моего живота, врач осведомился о течении болезни, но акцент его был столь же силен, сколь и слабость моего организма, посему вопрос свой он был принужден повторять несколько раз. "Боль обозначилась стремительно", – ответила я наконец. "Mala herba cito crescit", – объяснил он. «Угасает, угасает», – послышался изза двери радостный шепоток Жоржа, охваченного надеждой на скорое и полное свое освобождение от меня. «Mais dans quelques jours je serai déjà retable»,

– сказала я доктору пофранцузски, чтобы и он, и все остальные накрепко усвоили и не обременяли себя пустыми надеждами. Жорж разочарованно смолк за дверью, доктор установил неумеренное разлитие желчи, но от кровопускания я отказалась, учитывая естественное кровотечение, ожидавшее меня в ближайшие дни. В последующие несколько суток, исполняя предписания доктора, я оставалась в постели, соблюдая полный покой, а также диету, состоявшую в отказе от всякой доставляющей удовольствие пищи. Мысли мои были заняты составлением прощального письма А. П., и основная забота моя заключалась в том, чтобы не потерять его совсем, сохранить как друга, хотя бы для переписки. Для этого было необходимо убедить его подписывать письма именем покойного моего двоюродного брата, умершего во младенчестве: Жорж не знал ни о его появлении на свет, ни о его кончине, так что подписывать письма именем бедного Левушки было бы совершенно безопасным. Письмо выходило следующим: "Милый мой и нежнейший друг! Путь наш на этом свете усеян сплошными страданиями, а луч надежды и счастья, который посылает нам небо, едва коснувшись наших сердец, меркнет и угасает в том дремучем сумраке, который со всех сторон окружает нас. Тайна наша раскрыта, я отдана другому, и посему никакие наши встречи впредь невозможны. К тому же здоровье мое разладилось окончательно, и в самое ближайшее время, как только Господь даст мне силы, чтобы подняться, мы переедем с мужем в деревню для окончательного поправления моего здоровья. Только об одном молю Вас, милый мой и драгоценнейший друг! Не покидайте меня совсем, не лишайте меня последней отрады и пишите мне, делать это возможно отныне открыто, только чур подписывайте письма инициалами Л. Т. и ничего не спрашивайте у меня, пусть это будет последней прихотью столь бесконечно любящей Вас и преданной Вам А. К. Будьте счастливы, да благословит Вас Небо.

Навеки Ваша А. К."

Письмо это было незамедлительно написано и отправлено.

Болезнь продержала меня в постели около недели. Силы возвращались медленно, особенно учитывая пресную однообразность дозволенного мне питания. За эту неделю я не видела никого, кроме Жоржа, которому при первой встрече я подарила прадедов бриллиантовый перстенок и поклялась в вечной преданности и любви. Я за эту неделю, признаться, изрядно истомилась и исскучалась, да и душевная рана, нанесенная мне вынужденным расставанием с А. П., кровотоющим своим отблеском озаряла все мои мысли. В это время я отписала несколько писем маменьке, а также отослала одно письмецо моей старшей подруге по пансиону, жалуясь на суровость и несправедливость жизни, обращающей все юношеские устремления нашей души, устремления, быть может, самые светлые, трепетные и пронизанные истинным светом, в прах, лежащий непроницаемой пеленой на очи наши. На протяжении всей недели я не принимала никого, так как находилась в состоянии преплачевнейшем, но когда уже на излете одной мне доложили, что Наталья Николаевна пожаловали, дабы проведать меня, я не утерпела и решила принять ее. Одевание отняло у меня немало времени и сил. Хоть я и обливалась холодным потом, но все же не забыла придать, при помощи пудры и румян, лицу своему некоторые краски жизни, однако когда я увидела в гостиной Натали, то вся обмерла, так хороша и свежа была она в

тот день. Разговор долго вращался вокруг различных пробуждаемых весною хворей, вызванных суровостями российского климата – в марте хоть и звенит первая капель, но надежды на скорое тепло тщетны, в апреле слякотно и грязно, а в конце апреля не преминет последняя снежная буря напоследок облагородить знаменитые своею развороченностью мостовые наши, а к маю как раз и созревает, если есть в каком организме какой изыянишко, раздраженный осеннезимневесенней непогодой, до разрешения своего, разрешения мучите, льного и часто смертоносного. И только под конец нашего не слишком долгого соразмерно случаю свидания разговор как бы вскользь коснулся Пушкина. Наталья Николаевна сказала, что видела его за прошедшую неделю дважды на балах, что он произвел на нее уже не такое мрачное впечатление, как во время их первой встречи, он якобы даже несколько раз блистательно пошутил в ее присутствии, что скорее соответствует тому представлению, которое Наталья Николаевна сложила о нем по многочисленным сплетням, изображающим поэта как дамского угодника, остро слова и сердцеда. Это последнее из сказанного Натальей Николаевной причинило мне прямотаки адские муки, поскольку явно свидетельствовало о том, что Пушкин не слишком опечален нашим разрывом и готов найти утешение в первой же первой красавице, попавшейся на его пушечном пути. Указав без церемоний на то, что я не оправилась еще окончательно, я прервала Натали почти что на полуслове и стремительно простилась с ней, не забыв, правда, пригласить ее на прощальный обед, который мы давали с Жоржем в честь моего выздоровления, а также в связи с нашим отъездом в деревню, мысль о котором ввергала Жоржа в состояние, близкое к отчаянию, выражавшееся в непрерывной порке конюха. Обед, как сейчас помню, был назначен на среду, таким образом, ему надлежало состояться через четыре дня. Прощаясь, я даже не осмелилась поднять глаз, зная, какое горе отображали они. Что поделаешь, время радоваться, время и страдать.

Приготовления к обеду соответствовали случаю. На кухне с утра хлопотали три поварихи, из погреба извлекли баранью ногу, две дюжины свиных хвостов, соленья, квашенья, ягоды брусничные моченые, вина, в лавках закупили всяческую экзотическую снедь, включая и бразилианский кофе. Блюда были приготовлены самые изысканные: салаты по рецептам французской кухни – ламартин и беранже, селедка поандалузски с подливой из вишневой настойки с кореньями, фрикальде из баранины с гороховым суфле, сливочный митерлинг со свиными хвостами, а также к кофию горчичный торт с малиновыми сахарными ягодами. Из напитков, помимо шампанских вин, полагались также мускильоры и зубровка в запотевшем хрустальном графинчике. Стол сиял великолепием, равно как и Жорж, проведенный весь день в добросовестных подборах туалета, истинной жемчужиной которого являлся подаренный мною бриллиантовый перстень, чудесным образом шедший к его юношескому румянцу на щеках. На мне в этот день было божественное платье из лилового в красную тончайшую полоску шелка, сшитое моей портнихой по последней парижской моде. Оно прекрасно шло к моей фигуре, сделавшейся еще более изящной вследствие перенесенного недуга, и подчеркивало, там где требовалось, наличие нужных форм, равно как и их отсутствие там, где им полагалось отсутствовать. Рядом с Натальей Николаевной сидел ослепительной наружности молодой гусар, начавший было ухлестывать за ней без всякой меры, но также без всякой меры и напившийся во время долгого обсуждения за столом русской вольности, относительно которой каждый из гостей придерживался своих особенных взглядов. Я тогда только позволила себе заметить, что никто кроме Руссо не говорил лучше о самой сущности этой самой свободы, подразумевая процветание естественных форм бытия, которые нигде, как в России, достигли наиболее полного своего воплощения. Взгляды мои были подвергнуты критике Натальей Николаевной, усмотревшей в них проявления моего излишнего консерватизма. Сама она, надо отдать ей должное, была человеком вольнодумным и просвещенным. Далее, именно в связи с вольностью, разговор коснулся Пушкина, творчество которого – и здесь все были единомышленны – пробуждает российские умы к новой жизни, но тут же все заговорили о вольностях самого Пушкина в

обращении с дамами, от чего Наталья Николаевна вся зарделась, а Жорж, наоборот, стал блее бумаги. Он устремил на меня столь тяжелый и полный мрачности взгляд, что разговор о Пушкине был немедленно прекращен, так как каждый из присутствующих гостей по дороге успел перехватить его, этот взгляд, и оценить по достоинству. Обед удался на славу, гости разъезжались в прекраснейшем расположении духа, гусар был препровожден на свою квартиру нашим дворником, исполнявшим во время обеда роль лакея, в этот вечер Жорж был особенно доволен, что и послужило окончательному нашему примирению, в результате которого, уже в усадьбе, родился наш первенец Сашенька, подаривший мне не только истинную радость материнства, но и особенные отношения со всем вселенским мирозданием.

Пребывание в поместье наполнило мою истерзанную последними московскими событиями душу истинным отдохновением и покоем, если не считать тех естественных неудобств, которые причиняет ношение плода, особенно в первые три месяца оно. Усадьба наша располагалась на возвышении, и внизу, прорезая словно лезвием чарующие лесные пространства, серебрилась река. Мне были показаны прогулки, и я предавалась этому занятию с особенным рвением. В первые недели Жорж тяжело запил, но впоследствии он сумел подружиться с окрестными помещиками, приобрел вкус к охоте, а также обратился к изучению дел в поместье, что немало радовало меня. Уже через несколько месяцев он был хороший хозяин, постоянно совершенствовавший свои знания чтением и практикой. Время мое, помимо прогулок, было также занято чтением. Среди прочитанных в это лето книг – такие жемчужины литературного творчества, как "Блаженные похождения" доктора Мойсхена, "Наука любить и рассуждать" Цысса, "Смутная и заблудшая жизнь господина Генриха Дебинье" Лафриманса и многое, многое другое. Книги были прочитаны в основном французские, и всякий раз, усаживаясь в беседке читать, я с грустью и тоскою думала о Пушкине, от которого до того момента не получила ни единого письма. Знала я о нем только коечто, совсем немного, из писем, которые регулярно получала от моих сердечнейших приятельниц, одной московской – Т. Г. – и одной петербургской – Е. Р. Обе они писали, что настроения российские смрадны и копотны, улицы грязны, народ неопрятен, а из государственных чиновников никто, решительно никто не умеет более служить. Письма их были пропитаны горькою иронией и отличались выражением опустошенности сердца, столь свойственного нам, русским, когда возраст наш переходит за определенный, не слишком далекий от самого начала жизни рубеж. О Пушкине обе они писали следующее: только и разговоров в свете, что о его романе с Натальей Николаевной, всякий имеет на этот счет свое мнение и торопится высказать его. Кто считает, что она не пара ему, кто считает, что он ей, но Пушкин кажется окрыленным и пребывает все время в настроении приподнятом, из чего напрашивается вывод, что он удовлетворен течением дел с Натальей Николаевной, и речь в ближайшее же время может пойти о женитьбе. Я должна признаться в том, что известия эти хоть и производили на меня некоторые впечатления, но все же уже не те, буря в душе моей несколько поутихла, и разрушительные ее последствия начали постепенно сглаживаться, в особенности при помощи моих неумных ожиданий первенца, который подавал яростные признаки жизни в моем чреве. С появлением его на свет все остальное окончательно померкло для меня. Чудесный розовощекий белокурый ангел явился для меня воплощением той неисчерпаемой радости, которую может в себе содержать человеческое бытие, я перестала замечать на какоето время и себя самое, мне сделалась абсолютно безразлична и естественная полнота моего тела и одутловатость лица. Появление Сашеньки привнесло в наши отношения с Жоржем небывалую теплоту и сердечность, никогда еще в моей жизни я не чувствовала такой близости с самой природой, окружающей меня здесь отовсюду во всем своем великолепии. Я не в силах выразить того глубочайшего душевного отклика и волнения, который вызывали во мне головокружительные закаты, волнующиеся нивы, пасущиеся стада, крестьянки, полощущие в речке белье, колокольный

звон, разносимый ветерком по округе, нарядный воскресный народ, идущий к обедне, все это сделалось частичкой меня самой. Я пребывала в состоянии глубочайшей и совершеннейшей из гармоний со всем вселенским мирозданием, и мне казалось, что состояние мое теперешнее продлится вечно, столь счастлива я была им. Жорж поговаривал о путешествии в Италию, и как только это сделалось возможным, мы начали к нему готовиться. Буквально накануне отъезда я получила письмо Т. Г. , которое обратило в прах все это благолепие. Даже сейчас, хотя меня отделяет от этих событий добрая половина жизни, я вспоминаю о них с превеликим содроганием. В письме сообщались ужаснейшие и трагичнейшие факты: Наталья Николаевна Гончарова в самом расцвете лет и красоты своей нелепейшим образом оставила этот мир. Трагедия эта разразилась в последнее воскресенье августа, когда она, поддавшись соблазну и побуждаемая неизвестно откуда взявшейся в это время жарой, решила, находясь в своем родовом имении, искупаться в речушке, вследствие чего и утопла, попав в холодный и мощный водоворот, образовавшийся всего в нескольких метрах от берега, где пологость и мягкость песчаного дна внезапно прерывалась, уступая место глубочайшей и засасывающей бездне. Известие это потрясло Москву и Петербург, на похороны Натальи Николаевны собрались лучшие люди России, Пушкин был вне себя, он плакал как дитя, ведь они с Натали были уже помолвлены, и через несколько дней после похорон он пропал. Его искали повсюду, вначале друзья, а потом уже и сыскная полиция, но все усилия были тщетны. Относительно его исчезновения предполагали и самое худшее, отношение его с властями было крайне натянутое, свет хоть и признавал его таланты, но все ж посмеивался над ним, к чему он и сам давал немалые поводы, а в довершение всего еще и личная драма с Натальей Николаевной! Какое человеческое сердце в состоянии вынести такие невзгоды, такие беды?! Т. Г. в окончании письма сообщила, что относительно исчезновения Пушкина ведется дознание, и многие достойнейшие люди подвергаются несправедливым расспросам и допросам. После чтения письма со мной сделалась истерика, я пролежала в беспамятстве около двух дней, и как только немного оправилась, убедилась Жоржа ехать немедленно. Душа моя с жадностью запросила перемен, а бедное сердце не желало более внимать унылому однообразию деревенской жизни. Через несколько дней мы отправились.

Это не было мое первое путешествие в Италию, но именно тогда я смогла во всей полноте ощутить всю прелесть этой великолепной, в особенности для русского сердца, страны. Ни для какого русского не сможет пройти незамеченным ее полный мягкости ласкающий климат, чудесные памятные места и сооружения, возвышающие душу и мысли. После всего пережитого в России вся натура моя сделалась как будто более открытой для восприятия всяческой новизны, и колыхание мутных венецианских вод, равно как и торчащие, словно скелетные ребра, римские развалины, нашли во мне в то путешествие особенный человеческий отклик. Я была также рада увезти из поместий Жоржа, дабы прервать его связь с одной из крестьянских девушек, о которой моя ближайшая прислужница и наперсница прожужжала мне все уши. В первые недели путешествия настроения Жоржа, признаться, были несколько сумрачными, но впоследствии печали его рассеялись, в особенности благодаря новым интереснейшим знакомствам, которых мы сделали множество за эти четыре месяца путешествия. Особенно мы сошлись с русским, конечно, недостаточно ценным на родине художником Брюкловым, который несколько приволокнулся за мной и поэтому придал центральному персонажу заканчиваемого им полотна "Агония Помпеи" мои черты. Когда работа была окончена и я увидела ее, то потрясению моему не было предела, я даже воскликнула про себя: "Mon Dieu, on ne me reconnaitra jamais",

Но вслух своей мысли не выразила, а наоборот, восхищалась картиною без всякого удержу. Вести из России мы получали регулярно, и поэтому мне было доподлинно известно, что Пушкин не найден, а его трагическая история стала основой для многих драматических произведений современных Шекспеев. На обратном пути мы заехали в Москву, где по

счастливой случайности задержались на несколько недель, в протяжении которых, в одно чудесное утро, я получила письмо, развернув которое, чуть было не лишилась чувств от постигшего меня потрясения. В письме содержалось следующее:

"Милая моя и дорогая А. К.! Могу представить себе, сколь глубоким будет ошеломление Ваше, когда Вы будете читать строки эти. Будьте же мужественны и дочитайте письмо до конца. Прошлое мое отринуто мною со всею решительностью и бесповоротностью, и единственное, что я страстно желал бы сохранить для себя из него – это Вас, как подобная связь ни бередила бы моих ран постоянным напоминанием. Приверженность мою к прежним занятиям я решил сохранить, но спешу сообщить Вам, что после всего происшедшего мне открылись совершенно иные смыслы нашего брэнного здесь пребывания, и именно эти смыслы принуждают меня донести их всем остальным людям. Признаюсь Вам, что теперь все написанное мною ранее вызывает у меня бурнейшее непонимание и отвращение, и если Вы понимаете меня, уничтожьте все из моего, что у Вас есть. Видимо, небо и покарало меня за содеянное ранее. Я нашел на этом свете укромный и чудесный уголок, зовущийся Ясной Поляной, где моя истерзанная душа наконецто обрела отдохновение и покой. Если решу выбраться в Москву или Петербург, обязательно напишу Вам. Будьте счастливы и думайте обо мне.

Преданный Вам и искренне любящий Вас
Л. Т."

Мне не дано описать того впечатления, которое на меня произвело это письмо. Радость, счастье, удивление, тревога создали во мне такое потрясение, что только возникшее перед глазами видение спасло меня от полной потери чувств. Перед глазами моими вытянулся во весь рост огромных размеров гондольер, машущий мне своей соломенной с алой лентой шляпой и зазывно кричащий: "Condole, signiora, gondole per favore!"

Когда я пригляделась к его лицу, то поняла, что это Пушкин таким странным образом приветствует меня. Эта картина немедленно сменилась следующей. Я увидела полотно Брюклова "Агония Помпеи", страшные молнии разрезали набрякшее алое небо, падали и рассыпались в пыль прекрасные мраморные изваяния, я лежала в самом центре с бесстыдно обнажившейся левой грудью, а подле меня, беспомощный и испуганный, плакал Сашенька, пытаюсь найти защиту в моем безжизненном теле. Не знаю, куда бы меня завели эти видения, если бы не Жорж, осторожно вошедший в комнату и сообщивший, выказав немалое удивление смертельной бледностью моего лица, что надобно собираться в театр.

Когда мы прибыли, театр уж был полон, ложи блистали. Взвившись, зашумел занавес, и мы увидели полувоздушную, послушную одному лишь смычку Истомину, которая то медленно кружила, то устремлялась вперед в стремительном прыжке, подобная мыслям моим, которые то вращались вокруг Пушкина, то вдруг устремлялись к Жоржу. Внезапно внимание мое отвлекло появление некоего молодого денди, также чемто напомнившего мне Пушкина, вел он себя крайне беспардонно, наступал на ноги зрителям, пялился в лорнет на дам, и только раз взглянул на сцену, надо сказать, с неимоверной скукою, едва скрывая зевок. Весь его облик и поведение вызвали во мне сильнейшее возмущение, я даже наверное высказала бы его вслух, если бы не скачущие по сцене амуры, черти и змеи, которые, к везению юноши, сумели вновь привлечь мое внимание. Мы вернулись с Жоржем домой глубоко за полночь и были в прекрасном расположении духа. Я тогда впервые осознала, и осознала со всей отчетливостью, что искусство не только развлечение ума, но и душевное лекарство, способное поддержать и утешить в тяжелую минуту. С тех пор всегда в тяжелую минуту я находила подлинное утешение в общении с искусством, подле моей кровати неизменно находился томик стихов или глубочайший философический роман. Через несколько дней мы вернулись в поместье, и жизнь наша потекла как прежде.

Шли годы. Эти два незамысловатых коротеньких слова "шли годы" вбирают в себя множество скоротечных мгновений, на которые мы не имеем никакой привычки обращать

внимание, но из которых неопровержимо и неумолимо и состоит наша жизнь. Завтраки сменялись обедами, обеды ужинами, в гардеробе появлялись новые наряды, а старые отказывались прислуге, на охоте досадным образом гибли роскошные породистые псы, а по весне двор снова наполнялся щенячьим визгом и тьявканьем, времена года мелькали, словно листы раскрашенного альбома, с головокружительной быстротой, коегде делались закладки, а какието страницы и вовсе казались нечитанными, родилась Аннушка, внешность моя, равно как и нрав, подверглись значительным переменам, я стала степеннее, терпимее, в облике моем прибавилось значительности, выразившейся также в увеличении веса моего тела, Жорж Аннушку обожал сверх всякой меры, к Маше относился несколько прохладнее, но все равно все в нашем семействе было хорошо. Регулярно, каждую зиму, мы переезжали в Москву, часто навещали Петербург, посему никакие новшества жизни не ускользали от нашего внимания. Само собой разумеется, что особый интерес во мне вызывало все, что касалось Л. Т. Поначалу, помнится, особенно тщательно и с большим жаром дискутировался вопрос относительно его происхождения, говорили даже, что он из сирот, и что якобы один граф, не имевший детей и под конец жизни овдовевший, усыновил беднягу, оставив ему после своей смерти все состояние, а также и титул. Другие рассказывали, что он незаконнорожденный сын известного богача и распутника барона Ф. , что барон в конце концов признал незаконного своего отпрыска, откуда и происходит его положение в обществе и средства. Далее, якобы молодой графнаследник учился в Европах, где помимо различных языков познал также историю и философию, что позволяет его теперь отнести к образованнейшим людям нашего времени. Несмотря на длительное пребывание за границей, говаривали, что граф славится любовью своей к родному отечеству, и в особенности к простому русскому мужику, для совершенствования которого открывает повсюду столовые и школы. Эти слухи об Л. Т. глубоко впечатлили меня, и я в течение нескольких лет собирала в поместий своем крестьянских детей и девушек и читала им вслух из истории, географии и права. Так было положено начало нашей с Жоржем просветительской деятельности. Особенно я сошлась с Марфенькой, сиротой, потерявшей родителей во время последней эпидемии чумы. Она сделалась для меня второй дочерью, я воспитала ее и дала ей образование, как и другим моим детям. Увлечение мое крестьянским народом привело меня к созданию в поместье театра, а также мастерских для занятий живописью, среди моих крестьян оказалось множество одаренных натур, позже мы с Жоржем устроили оркестр, и впоследствии, когда был достигнут у нас истинный расцвет искусств, слухи о нашем поместье, распространившиеся по всей России, привлекли к нам внимание многих знаменитых и просвещенных людей. Полотна наших живописцев восхитили многих известных художников, а один крестьянский художник Петр Репин был даже нами отправлен в Италию для совершенствования своего мастерства. Мой Жорж написал множество книг и статей, обобщая наш просветительский опыт.

Женитьба Л. Т. не наделала в свете большого шума, обсуждалась она скорее вяло и почти безразлично, но я знала всю правду и даже подноготную из приходивших ко мне не часто, но регулярно писем. Пушкин писал мне, что сделал случайное, но крайне важное для всей своей последующей жизни знакомство. Он познакомился с некоей Софьюшкой, небогатой, чистой и очень набожной девушкой, незаконнорожденной дочерью развратника и взяточника, высокого петербургского чиновника Ш. Т. Софьюшка, как он писал, не была красавицей, но была большая умница, а также молода и миловидна. Пушкин писал мне, что к зрелости своей осознал, что не красота женщины дает мужчине истинное счастье, не положение в обществе, которое она получает благодаря происхождению своему, а исключительно душевная наполненность, гармония мыслей, чувств и характера, и, может быть, даже божественный свет, который различается в ее глазах и голосе. По его мысли, женщины красивые и богатые в силу фаворитных условий жизни лишены малейшей надобности совершенствовать свою натуру, и поэтому существование их, производя

впечатление бурного и великолепного праздника, на самом деле невзрачно, пусто и непривлекательно. Излагая это свое суждение, Пушкин оговорил специально, что я являюсь редчайшим, и, может быть, даже единственным исключением, которое лишь усугубляет правило. Что же до Софьюшки, то Пушкин обнаружил в ней все, чего так страстно желал, и посему был удовлетворен и вполне счастлив. Такое небрежение А. П. к внешней стороне вещей явственно говорило мне, что прежнего Пушкина нету более, что он окончательно преобразовался в человека иного, мне совершенно неведомого. Что поделаешь, *tempora mutantur, et nos mutamur in illis*.

Ведь в его молодые годы именно красота являлась для него мерилем всякого совершенства, а наслаждение стихотворными формами, самим звучанием нашего великого языка заменяло ему еду и сон. Теперь же его волновало не зримое, а скрытое, поэтому, верно, и отказался он от стихотворного творчества и начал выражать себя только лишь посредством прозаического языка. Он сумел развить в себе своего рода внутреннее зрение и безошибочно отличал теперь кажущееся от сущностного, истинное от ложного. Он писал мне, что подверг и себя самого тщательному изучению и разбору, и, выделив тяжелейшие изъяны, принялся совершенствовать собственную личность. В этом нелегком деле первейшим его другом и соратником была Софья. Мне было внятно все высказанное Пушкиным. И верно, только зрелости свойственно отделять лживую видимость от самой сути, от самого замысла той или иной вещи или события. В молодости жизнь, наполненная бесконечными перипетиями, действует на мозг наподобие вспышки молнии – ослепляет, лишает ориентира, заставляет действовать без разбору, тщетно растрачивая силы. И только с течением жизни понимаешь, что у всего, мимо чего мы проходим с такой легкостью, имеется свое содержание и значение, именно в зрелости перед нами предстает сама анатомия каждого истеченного мига, и мы, прежде чем поварварски заполнить его своею лишь персоной, все же начинаем осознавать, что жизнь – это и румянец служанки, и пурпурная кожица яблока, и обломившийся ноготь, и последний вздох умирающего животного. Всякая сущность в зрелости и особенно в старости обретает как бы свой голос, мы начинаем слышать его и обретаем способность умиляться даже искрящейся на солнце воде, стоящей в хрустальном стакане подле кровати нашей, даже если этой водой нам, по хвори или немощи, предписано запить горькое лекарство. Не это ли тот результат, к которому принуждены мы прийти, если не *"In mezzo del camin di nostra vita"*,

То хотя бы под конец его?

В одном из писем Пушкин сообщил, что написал роман, мне посвященный. Назывался он *"Анна Кореньева"*, и, как это очевидно всякому понимающему человеку, дело не только в совпадении инициалов, но и в зашифрованности моей фамилии в фамилии главной героини. Роман этот, как написал мне Пушкин, повествует о том, какая участь ожидала бы нас, если бы случай, а может быть, даже и само провидение не разорвали бы соединившей нас роковой связи. Прочитав роман, я была в сильнейшем потрясении и проплакала несколько дней. Воспаленными губами, с мокрым от слез лицом, я благодарил судьбу за спасение мое, а также Жоржа, оказавшегося прочной опорой и защитником от многих бед и искусов.

Через несколько лет неотступные воспоминания о прошлом, с которыми Пушкин боролся всей своей могучей натурой, но победить которые так и не смог, привели его к созданию утопического романа о судьбе Натальи Николаевны. Я думаю, что этот факт скрыт от глаз не только проницательных читателей, но и критиков. Сообщил мне об этом в письме сам Пушкин и добавил, что теперь наконец-то он надеется поставить последнюю точку, как в прямом, так и в переносном смысле. Он написал, что роман этот очень понравился Сонечке, хотя полная истина все же была от нее скрыта: она носила в чреве своем пятого ребенка, и Пушкин не хотел понапрасну тревожить ее. Прочитав роман, я явственно увидела, что Пушкин придал Наталье Николаевне многие Сонечкины черты, в одной из последних сцен Натали даже появляется с грязною пеленкой в руке, и совершенно успокоилась:

воспоминания воспоминаниями, но Пушкин нашел, что искал, и теперь счастлив. Обычно на этом слове заканчиваются многие рассказанные истории, так же заканчивается и моя. Счастье – конец пути, сладкий привал, благословенный отдых. Счастье – сон, счастье – покой, именно к этому пришли и вы и я, дорогой мой А. П. Хорошо ли, плохо ли это – кто знает, кто ответит? Как бы то ни было, день догорает, пальцы мои испачканы чернилами, и вечер – третье время суток, третье время жизни, ожидает меня, и я, не страшась и не шарахаясь понапрасну, просто иду, иду...